
РОДИТЕЛЬНЫЙ ПРИГЛАГОЛЬНЫЙ: БОРЬБА ЗА ВЫЖИВАНИЕ

С.А. Лугин, И.К. Алексеева

Кафедра русского языка
Московский авиационный институт
Волоколамское ш., 4, Москва, Россия, 125993

Статья посвящена системно-функциональному анализу беспредложного употребления приглагольного родительного падежа; делается попытка объяснить синхронные явления, основываясь на исторических тенденциях семантического и функционального развития падежной системы.

Ключевые слова: падежная система, употребление падежей, родительный падеж, приглагольный родительный падеж.

Демаркационная линия, проведенная в свое время Фердинандом де Соссюром между диахронией и синхронией, дала толчок бурному развитию синхронных исследований, во многом определив облик лингвистики XX в. Вместе с тем многие из накопленных лингвистикой фактов о современном нам состоянии языка не могут быть, на наш взгляд, поняты и объяснены без прояснения истории их развития.

Попытки исторически объяснить синхронные языковые явления в современной лингвистике, к сожалению, достаточно редки. Настоящая статья, посвященная беспредложному приглагольному родительному падежу в русском языке, — одна из них.

Судьба приглагольного родительного в русском языке весьма печальна: он умирает. Многовековую «битву за прямой объект» с винительным падежом можно считать проигранной: осталось лишь несколько «островков сопротивления», где родительный падеж еще держит оборону и сохраняет за собой право маркировать имя объекта действия.

Каких-то 700—800 лет назад наши предки могли сказать: *позримъ синего До-ну; многихъ трудовъ поминая; аще земледѣлецъ оукрадетъ ральны(х) желѣзь; тому въѣры имите; кдѣ бѣсѣвнаго камени сего обрѣте; стеречь двора; овомоу носа оурѣзаша. а иномоу очи выимаша*, — без всяких сомнений употребляя родительный падеж (далее — РП) и после глаголов слухового/зрительного/умственного восприятия, и после глаголов приобретения/получения, внимания и заботы, физического воздействия и т.п.

Но уже и в те далекие времена, как свидетельствуют первые памятники древнерусской письменности, винительный падеж (далее — ВП) уверенно и без всякой семантической дифференциации конкурировал во всех перечисленных контекстах с РП, например: *иже оукрадетъ въ время коситвы косоу; томоу вероу имить; обрѣтъшема камень ч(с)тныи*.

Еще в конце XVIII—начале XIX в. в литературе встречаются отголоски «былых сражений» в виде спорадического употребления РП наряду с тотальным пре-

обладанием ВП после глаголов названных групп: *Послушай басенки моей; И тот дурак, Кто слушает людских всех врак* (И.А. Крылов); *Бог лесов... Слушал песенки ночной* (А.С. Пушкин). Вместе с тем для современного русского языка невозможность РП в подобных контекстах уже совершенно очевидна.

К настоящему времени «островков сопротивления» беспредложного РП в приглагольной позиции осталось совсем немного. Наиболее стойкими могут показаться так называемые переносно-удалительные (типа *лишиться, бояться, избегать*) и переносно-достигательные (типа *желать, требовать, добиваться*) глаголы.

Но и здесь, при ближайшем рассмотрении, позиции РП оказываются не такими уж прочными. Простое сопоставление статистических данных свидетельствует о постепенной сдаче родительным падежом своих позиций при употреблении с глаголами указанных групп: так, из более шестидесяти переносно-удалительных глаголов, перечисленных в [1. С. 260—266] как управлявших РП в древнерусском языке, этот падеж сохранился лишь немногим более чем при десяти (*бояться* и его синонимы *страшиться, пугаться, остерегаться; избегать, сторониться, стесняться, стыдиться, лишиться* и некот. другие; ср. [2. С. 32; 1. С. 266]), да и при этих глаголах его позиции становятся все менее устойчивыми (см., например, [3. С. 242—245]).

Можно, по-видимому, говорить и об экспансии ВП в группу переносно-достигательных глаголов, где наряду с традиционным РП (*жду поезда, потребовал очной ставки, желаю славы, хочу мороженого*) стал нормативным и ВП (*жду электричку, сестру, потребовал чашку чая, хочу порцию мороженого*).

В отношении употребления РП с указанными группами глаголов мы полностью солидарны с выводами В.Б. Крысько: «В перспективе можно предполагать полную ликвидацию параллельного управления, т.е. утверждения ВП в качестве единственной формы при всех или, по крайней мере, большинстве достигаемых глаголов» [3. С. 240].

Обрисованная выше историческая тенденция *постепенного выхода из употребления беспредложного РП* в качестве маркера имени прямого объекта позволяет по-новому взглянуть и на конкуренцию ВП и РП **после переходных глаголов с отрицанием**.

Бесконечные споры о семантическом, стилистическом или грамматическом сходстве и различии конструкций типа *Иван не читал этой книги* и *Иван не читал эту книгу* легко разрешаются при историческом взгляде на их судьбу.

Так, **если** «в древнерусском языке ... наличие отрицания при глаголе обуславливало использование РП: А хто ... почнетъ лѣсъ сѣчи и пожни косити, и заяци гоняти или рыбы ловити, или ягоды и губы брати ... ино тотъ ... за свою вину дать намъ рубль; но: лѣса не сѣките, сѣна не косите, заяцевъ не гоняите, **рыбь** не ловити, **ягодъ** не берите» [4. С. 221], а в конце XVIII в. М.В. Ломоносов подтверждал, что когда перед глаголом «присовокупляется отрицательная частица *не*, винительный падеж обращается в родительный: не давай **воли** языку в пиrowании» [5. С. 561], то уже для конца XIX — начала XX в. А.А. Шахматов отмечал,

что ВП «чередуется с родительным, вообще, кажется, вытесняя собой родит. падеж» [6. С. 329—330] (*Самый проступок ее не разрушил мое счастье* (И.С. Тургенев); *А Полю я люблю... Давно люблю и ни от кого это не скрывал; Уходит в сени, не замечая Татьяну, прижавиуюся в углу* (А.М. Горький).

В середине же XX в. Д.И. Буторин констатировал, что «единой устойчивой нормы употребления родительного и винительного падежей в предложениях с отрицательными переходными глаголами... не существует; в большом количестве случаев русский язык допускает употребление родительного и винительного падежей без заметной семантической разницы» [7. С. 141].

Если теперь вспомнить описанную выше общую историческую тенденцию к вытеснению винительным падежом родительного из сферы беспредложного приглагольного употребления, то становится понятным, что отмеченное А.М. Пешковским «полное смешение» ВП и РП [8. С. 265] **объясняется** не чем иным, как **их временным сосуществованием в рамках данной конструкции на современном нам этапе развития русского языка**. Другими словами, РП и ВП в качестве маркеров имени прямого объекта временно пересеклись на временной шкале в процессе выхода из употребления приглагольного РП и закрепления в языке ВП.

Таким образом, не решаемая на уровне синхронного анализа проблема оказывается совершенно понятной при привлечении фактов истории языка.

Дабы не заканчивать нашу статью о судьбе беспредложного приглагольного РП на столь пессимистичной ноте, мы остановимся на анализе еще одной конструкции, в рамках которой нашему падежу удалось «выжить», одержав полную и безоговорочную победу, по крайней мере, на современном этапе развития русского языка. Мы имеем в виду **мену именительного падежа на родительный в посессивных и бытийных конструкциях**, в которых РП не пришлось вступать в конкуренцию с ВП.

Интересно, что тенденцию к замене ИП на РП при отрицании можно считать прямо противоположной в историческом плане. Обычные в древнерусском языке отрицательные «личные предложения с глаголами *ѣсмь* — *быти* и *бывати* ... в дальнейшем были вытеснены безличными предложениями с родительным падежом дополнения на месте именительного падежа подлежащего» [9. С. 401]. Вот несколько примеров исконных конструкций: *и впередь торгъ Рижскимъ и всѣхъ Нѣмецкихъ городовъ во Пскове за то не будетъ*; *Тоя же веснѣ бысть вода велика силна... за много летъ не бывала такова вода; нѣсть ничто же... не бысть ничто же* (см. [там же]).

Об исконности этих конструкций для древнерусского языка писал еще А.А. Потебня: «цсл. обороты с подлежащим при *нѣсть* и т.п. — не подражание греческому, а остаток туземной старины...» [10. С. 482]; об этом же «свидетельствуют современные говоры русского и украинского языков» [9. С. 401]. С другой стороны, для современного кодифицированного русского языка является неоспоримым тот факт, что «в отрицательных бытийных предложениях подлежащее всегда выступает в форме родительного падежа» [11. С. 464].

Для объяснения описанной исторической тенденции в развитии отрицательных бытийных предложений, завершившейся полным вытеснением из них ИП, следует ответить на три вопроса:

- 1) почему ИП стал невозможным;
- 2) почему раньше он был возможен;
- 3) почему на смену ИП пришел именно РП?

Для ответа на первый вопрос достаточно вспомнить принципиальное отличие бытийных предложений от небытийных (назовем последние, вслед за Л. Бэбби, «декларативными»): «основная функция бытийных предложений — выразить утверждение о референте подлежащего» [11. С. 465], при этом «в утвердительных бытийных предложениях утверждается, что у подлежащего референт есть, а в отрицательных, что референта нет» [Там же]. В декларативных предложениях, напротив, подлежащее «обычно имеет пресуппозицию существования» [Там же]. Другими словами, в отрицательных декларативных предложениях утверждается, что действие не совершается, а в бытийных — что не существует референт подлежащего.

Напомним теперь выявленную нами в ряде предыдущих работ актуальную инвариантную функцию ИП — маркирование имени генератора события [12. С. 11—14]. Именно эта инвариантная функция ИП и вступила в противоречие с общей семантикой отрицательных бытийных конструкций: в отрицательных бытийных конструкциях (*концерта нет/не было/не будет; (у меня) нет/не было/не будет друга*) отрицается сам факт существования референта, следовательно, **не существуюя, он просто не может генерировать никакого события!** Другими словами, имя физически не существующей (объективно или субъективно — для говорящего) субстанции не может быть маркировано в русском языке именительным падежом, т.к. несуществующее невозможно изобразить как генератор какого бы то ни было события.

Что касается второго вопроса, то ответ на него, на наш взгляд, связан как с описанной сутью бытийных конструкций, так и с историей самого отрицания *нет*, которая отражает смещение семантических акцентов при выражении отрицания в целом и **переосмыслении исходно декларативных отрицательных конструкций в бытийные**. Хорошо известно, что *нет* далеко не сразу «стало восприниматься как единая форма, при этом несопоставляемая с глагольной формой *ѣсть* с отрицанием *не*, из которой *нет* возникло (через ступень *нѣсть*)...» [9. С. 402].

Можно предположить, что ИП при отрицании в бытийных предложениях мог сохраняться до тех пор, пока *нет* еще воспринималось как *не ѣсть*, а вся отрицательная конструкция в целом воспринималась как отрицание глагола, а не самого существования субстанции, т.е. как **отрицательная декларативная конструкция, но не бытийная**.

Иначе говоря, «бытийные» предложения древнерусского периода (и, видимо, более раннего) не были собственно бытийными, т.к. сообщали о том, *ѣсть* или

не *ѣсть вода велика силна*, т.е. отрицание относилось не к имени самого партиципанта, а только к глаголу; другими словами, решался вопрос не о «бытии», а о наличии партиципанта, в принципе объективно существующего. В этом случае ИП, в рамках своей инвариантной функции, по-прежнему маркировал имя партиципанта, который генерировал событие «*ѣсть*» или «не *ѣсть*». Когда же отрицание перестало восприниматься как *не* + глагол *ѣсть* и слилось в одно слово *нет*, то оно стало восприниматься — при отсутствии глагола — уже как отрицание имени самого партиципанта, т.е. как отрицание его существования, а вся конструкция в целом и стала бытийной в современном понимании.

От несуществующего партиципанта нельзя было и ожидать генерирования события, что привело к невозможности маркирования его имени с помощью ИП. Такое переосмысление конструкции в презенсе привело и к общему ее переосмыслению во всех временных формах и, по аналогии, окончательному выходу из употребления ИП в отрицательных бытийных конструкциях как в прошедшем, так и в будущем времени.

Отвечая на третий вопрос, можно сказать, что появление РП взамен ИП в анализируемых конструкциях полностью соответствовало развивавшейся объектной функции родительного. При этом оказалось совершенно несущественным, является ли маркируемый актанта объектом или субъектом: РП указывал на него лишь как на партиципанта, находящийся вне сферы глагольного действия.

Что касается абсолютной устойчивости РП в отрицательных бытийных предложениях, то ее причины очевидны: во-первых, полное противоречие актанта в этой конструкции инвариантной функции ИП и, следовательно, невозможность его маркирования этим падежом как падежом генератора события; во-вторых, отсутствие конкуренции с ВП, т.к. маркируемый актанта не является в данной конструкции прямым объектом действия.

Другими словами, отрицательные бытийные конструкции оказались той зоной в системно-функциональном поле РП, которая не пересекалась с системно-функциональным полем винительного падежа. Именно в этой узкой зоне, трансформировавшись из маркера имени объекта, находящегося вне зоны глагольного действия [12. С. 26—34], в маркер, шире — актанта с теми же свойствами, РП твердо занял свою нишу в системе языка, а его употребление грамматикализовалось.

Проведенный анализ одного небольшого фрагмента падежной подсистемы позволяет, как представляется, еще раз убедиться в том, что полноценное понимание синхронных явлений невозможно без обращения к истории языка. **От синхронии к диахронии и через диахронию к новому осмыслению современных языковых процессов** — таков один из путей к пониманию языковых явлений, позволяющий через ответ на вопрос «как?» не только прийти к ответу на вопросы «почему?» и «для чего?», но и сделать попытку ответить на вопрос «что будет дальше?», другими словами, перейти от описательного этапа развития науки к объяснительному и прогностическому.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Ломтев Т.П. Очерки по историческому синтаксису русского языка: Учеб. пособие для гос. ун-тов. — М.: Изд-во МГУ, 1956.
- [2] Шелякин М.А. Опыт семантического описания винительного падежа русского языка // Учен. зап. Тарт. гос. ун-та // Tartu Riikliku Ülikooli toimetised. — Тарту, 1990. — Вып. 896. Тр. по рус. и слав. филологии.
- [3] Крысько В.В. Исторический синтаксис русского языка: Объект и переходность. — М.: Индрик, 1997.
- [4] Станишева Д.С. Винительный падеж в восточнославянских языках. — София: Изд-во Болг. акад. наук, 1966.
- [5] Ломоносов М.В. Российская грамматика // Полное собрание сочинений. — Т. VII. — М., 1952.
- [6] Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. — М.: УРСС, 2001.
- [7] Буторин Д.И. Винительный и родительный падежи прямого объекта в русском литературном языке XIX—XX вв. — Л., 1953.
- [8] Пешиковский А.М. Глагольность как выразительное средство // Методика родного языка, лингвистика, стилистика, поэтика: Сб. статей. — Л., М., 1925.
- [9] Борковский В.И., Кузнецов П.С. Историческая грамматика русского языка. — М.: КомКнига, 2006.
- [10] Потебня А.А. Из записок по русской грамматике. — Т. I—II. — М.: Учпедгиз, 1958.
- [11] Бэбби Л. Порядок слов, падеж и отрицание в бытийных предложениях русского языка // Новое в зарубежной лингвистике. — Вып. XV. — М.: Прогресс, 1985.
- [12] Лутин С.А. Системно-функциональный анализ категории падежа в русском языке: Автореф. дисс. ... д. ф. н. — М., 2008.

THE ADVERBIAL GENITIVE: STRUGGLE FOR EXISTENCE

S.A. Lutin, I.K. Alekseeva

Russian language department
Moscow Aviation Institute
Volokolamskoye sh., 4, Moscow, Russia, 125993

This article deals with the system analysis of the Russian adverbial Genitive functioning: the author makes an attempt to clarify synchronic facts through the historical trends of the Russian case system development.

Key words: case system, case functioning, Genitive case, adverbial Genitive.